

КРОКОДИЛ

ГОД ИЗДАНИЯ ХVII

К 556/38 г.

Рис. Бор. Ефимова

ВЫСОТА У ОЗЕРА ХАСАН

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

Кто честной бедности своей
Стыдится — и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем —
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут

* Роберт Бернс — великий шотландский поэт. Родился в 1759 году в семье бедного фермера. Большую часть жизни провел в деревне, работая на своем поле. Умер в 1796 году.

Одеты в шолк и вина пьют —
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом,—
Таких зову я знатью!

Вот этот хлыщ — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах,—
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,

Но он не может никого
Назначить честным малым!

При всем при том,
При всем при том
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь —
И все такое прочее!

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

С. МАРШАК

— Почему в вашем парткабинете валяется столько хлама?
— А куда же его положить? Во всех остальных комнатах работают.

Рис. Л. Генча

Приглашение в Ленинград

Если ты не был в Ленинграде, уважаемый читатель, то мне попросту грустно на тебя глядеть.

Значит, ты, ворона, ничего хорошего не видел. А еще берешься рассуждать о красоте и гигиене.

Город Ленинград — это красивейший город. Он расположен на берегу Финского залива.

Красавица река Нева, прежде чем впасть в море, разветвляется, представьте себе, на семь отдельных рукавов. Другие реки просто и нехудожественно впадают в море одним каким-нибудь своим мутным рукавом. А тут такое, можно сказать, художественное изобилие — семь рукавов. И между ними разные острова. Перекинуты мосты. Пароходы ходят. Цветущие сады по берегам. Чудные здания в стиле Ампира. Очень божественная панорама.

А главное, конечно, — море.

Ну, естественно, приморский город. Вот потому и море.

Главная прелесть в том и заключается, что наш город расположен у моря. Ленинградцы особенно этим гордятся и чванятся. Дескать, море. Дескать, можно его видеть.

И, действительно, все-таки, как ни говорите, забавно посмотреть с городской улицы на морские дали.

Конечно, которым это очень забавно, тем наилучше всего проехаться скажем, в Севастополь, потому что у нас в Ленинграде море не особенно хорошо видать. По правде сказать, его даже вовсе не видать. Даже мы, ленинградцы, немножко удивляемся, как это у нас так здорово устроились, что от моря целиком загородились.

Все-таки охота была бы иметь какой-нибудь свой приморский бульварчик, где усталый ленинградец мог бы присесть на скамеечку, чтоб посмотреть, как плещутся балтийские воды.

Надо полагать, что в дальнейшем ученые чего-нибудь сообразят и выяснят, откуда нам смотреть на море.

Безусловно, морской порт, фабрики и разные там склады, наверно, я так думаю, больше нуждаются в морской воде чем какая-нибудь там отдельная человеческая единица, склонная помечтать на берегу моря.

Но все-таки, как говорится, душа просится к морю. Тем более что сухопутные москвичи — и те заимели свое море. А тут оно где-то плещется подбоком, а где, — не видать. Чересчур досадно.

Досадно, но не совсем, потому что желающие посмотреть на море могут запросто поехать на Елагин остров, туда, где нынче расположен наш прекрасный парк культуры и отдыха.

Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем: немножко далеко.

А такси на что? Сядем на такси и поедem к морю.

Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем. Нипочем такси не достать. Вот это худо. Худо, да не совсем. А трамвай на что? Сядем на трамвай и поедem. Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем. Там, в трамвае, и без нас усиленная давка по случаю выходного дня.

Вот это худо. Худо, да не совсем. Можно и пешком пройти.

Конечно, пехтурой идти — два часа пройдешь. Вот это худо. Худо, да не совсем. Можно ведь и вовсе не пойти. Никто ведь нас, как говорится, туда за волосы не тянет. Зачем же нам себя мучить?

Давайте вместо сомнительного моря поглядим на что-нибудь сухопутное.

Дайте руку, уважаемый читатель, пойдem на нашу главную магистраль, на проспект 25 октября.

Вот он, наш знаменитый Невский — ныне проспект 25 октября. Конечно, он сейчас неважно выглядит. Он уже три месяца разрыт. И ходить там не так уж безопасно для жи-

тельства. Вот это худо. Худо, да не совсем. Говорят, там не сегодня — завтра закончится ремонт. И наш прекрасный проспект с его слишком узенькими изящными тротуарами в скором времени снова засияет своей первоначальной красотой. Вот это хорошо.

Так что вместо этого давайте поглядим на что-нибудь другое.

Вот наш прелестный Летний сад. Красивая река Фонтанка. Великолепная площадь Жертв революции — бывшее Марсово поле. Хотя это старинное название и навеивает военные мысли, но тут мир и тишина. Здесь раньше был пустырь, и здесь шагали царские солдаты. А сейчас тут кругом зелень. Скамейки поставлены. Матовые фонарики.

Сейчас тут влюбленные сердца имеют привычку назначать свидание. Пусть их! Не мешайте им, товарищ милиционер!

Но идem дальше. Вот Дворец пионеров. Чудный сад, великолепное здание. И там все для ребят. Вот оригинальная Адмиралтейская игла. Вот знаменитый Эрмитаж.

А вот и... Но что это за обветшалое здание? Ах, это Зимний дворец — эта, так сказать, резиденция царей, последний оплот мелкой и крупной буржуазии.

Жаль, что дворец в таком отчаянном виде. На первый взгляд кажется, что он ремонтировался последний раз при Николае I. Но оказывается, ничего подобного. Еще как будто год назад его скоблили и красили. И вот он снова весь обшарпанный, грязный и неинтересный. Краска облупилась, штукатурка висит, уборные, наверно, не действуют.

С чего бы это он так скоро обветшал? Говорят, краска дрянная, почему-то не держится на вертикальных стенах. Отстаёт. Да, но зачем же они таким дерьмом красят такое чудное здание? Вот это худо.

Отойдем, читатель, от этого дворца, чтоб не портить настроения.

Дайте руку, пойдem на набережную Невы. Вот тут еще больше чем где-либо можно насладиться величием Ленинграда. Тем более вода, как говорится, ремонта не требует. Течет себе и течет. И кушать не просит. Набережная гранитная. Очень повсюду чистенько, красиво, элегантно. Вот это хорошо.

Пароходики то и дело шныряют по Неве. Давайте сядем на такой пароходик и покатаемcя.

Ах, да! В самом деле! Что же мы прикидываемся казанской сиротой? Ведь на таком пароходике в акурат до самого моря доехать можно, до парка культуры и отдыха.

Едем, уважаемый читатель, на острова. Там мы воочию увидим морской пейзаж. Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем. Там ведь море немножко сдавлено берегами. Но зато в других городах и этого нету. А тут кое-что есть. И поэтому мы еще с большей нежностью любим наш славный, красивейший в мире город Ленинград.

С морским приветом

заслужен. деят. М. М. Коноплянников-Зуев

ОТ РЕДАКЦИИ. В яркой, хотя и довольно замысловатой форме заслуженный деятель М. М. Коноплянников-Зуев ставит вопрос о приморских красотах Ленинграда, а заодно — и о недостатках планировки и коммунальных устройств этого города. Однако, как мог заметить наш зоркий и бдительный читатель, в статье М. М. Коноплянникова-Зуева имеется ряд противоречий. Для того чтобы дать читателю более широкие сведения по интересующему вопросу, РЕДАКЦИЯ КРОКОДИЛА ПОЧТИ В ПОЛНОМ СОСТАВЕ ВЫЕХАЛА В ЛЕНИНГРАД И СВОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИЗЛОЖИТ В СЛЕДУЮЩЕМ СПЕЦИАЛЬНОМ НОМЕРЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ КРОКОДИЛА В ЛЕНИНГРАД».

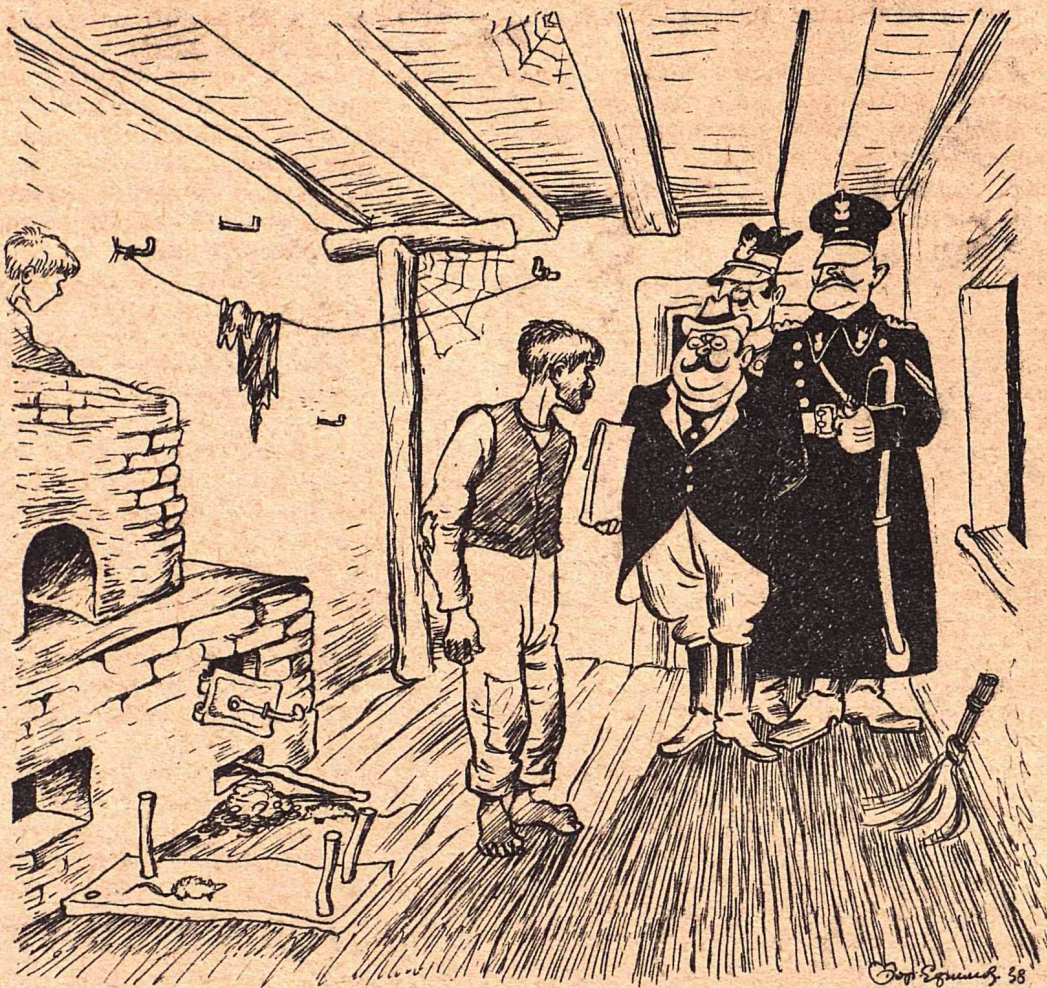

Рис. Бор. Ефимова

ПОЛЬСКИЙ КРЕСТЬЯНИН: — Насчет чистоты, господа санитарная комиссия, не извольте беспокоиться, здесь до вас уже побывал сборщик податей.

Две подруги и летчик

Роды начались под утро.

Стискивая челюсти, Люся невнятно окликнула Мурку, и, когда та подняла над подушкой всклокоченную голову, сказала ей, что уже пора и что надо одеваться.

Мурка спросонья ничего не видела, опрокинула трехногий стул, разбила чашку и не могла найти туфли.

— Несчастье мое, — крикнула Люся, — дал бог дуру на мою шею...

Чувство злобы на весь мир переполняло ее существо. Ну, как она сейчас будет добираться до города? Поезда еще не идут, автобусу — рано. Идиотская жизнь! У других муж, а если и не муж, то хоть позаботится как человек, а у нее что: глупая Мурка с чолкой, выкрашенной перекисью? О, чтоб вы все пропали!

Корчась от боли, с лицом, перекошенным злобой и страданиями, держась за Мурку, она вышла на шоссе. Огромный город, подернутый дрожащей утренней дымкой, раскинулся на горизонте. Пахло свежестью, выпавшим ночью коротким дождиком, молодой листвою. Влажное шоссе поблескивало.

— Ляжь тут на лавку, — сказала Мурка, — а я буду машины задерживать. Может, какая и подвезет.

Из-за поворота шоссе выскочил открытый газик. Первые лучи солнца играли в смотровом стекле. Мурка нерешительно подняла руку. Машина тотчас же притормозила и встала у обочины.

— У-у, — застонала Люся для того, чтобы шофер пожалел. — У-у...

Из машины вышел очень молодой человек невысокого роста с петлицами Гражданского воздушного флота. Го-

лубые большие глаза его смотрели испуганно и участливо, и Люся слышала, как он сказал Мурке:

— Вот номер, действительно! Да ну, конечно, довезу.

А когда Люся застонала, он так поморщился, будто больно было ему, а не ей, и тонким голосом попросил:

— Ну, пожалуйста, мы вас донесем, ну, пожалуйста.

Наконец, уселись, летчик захлопнул дверцы и осторожно начал поддавать газу. Солнце и ветер били в лицо, Люсе сделалось вдруг легче, но она продолжала стонать на всякий случай, а главное для того, чтобы летчик знал, каково рожать.

— А где ее муж? — спросил летчик у Мурки, но Люся услышала и ответила сама:

— О-о, — застонала она, — найдешь такую жабу. Оу-у... от алиментов... завинтил... ой, не могу... Сами мы уборщицы... о-о... без комнаты... а он пятьсот сорок три в получку...

У родильного дома летчик остановил автомобиль и, морщась, как давеча, помог санитару и Мурке отнести Люсю в приемный покой. Там, отозвав Мурку в сторону, он спросил:

— Денег, небось, ни копейки нет?

— Ну, ни одной, товарищ командир, — соврала Мурка: она отлично знала, что у Люси накоплено триста рублей и что из месткома ей выдали двести, но все-таки приврала, что даже пеленок не на что купить.

— Возьмите, пожалуйста, — краснея сказал летчик, — у меня больше с собой нет. Тут сто рублей. И вот телефон мой, фамилия моя Пархоменко, на всякий случай...

Он козырнул и ушел, а Мурка решила, что сто рублей

Люсе не отдаст и что купит себе на эти деньги санда-
леты. Люся опять закричала. Вошел врач и сказал:

— Ну, раскудахтались!

В приемный день к Люсе вдруг пришел летчик с короб-
кой конфет и с букетом нарцисов. Кроме того он принес
акуратный пакет с приданым. Мурка уговорила главного
врача, чтобы он пропустил летчика к Люсе.

Люся—хорошенькая, с губами, накрашенными сердечком,
кормила младенца и, кокетливо поигрывая глазами, не-
громко рассказывала:

— Это просто анекдотично, как легко я рожала... Пря-
мо-таки смеялась...

Мурка сидела тут же, нюхала нарцисы и подбирала ноги,
обутые в новые сандалеты. Ей почему-то казалось, что лет-
чик обязательно догадается о происхождении сандалет.

Летчик молчал и улыбался, показывая ослепительные бе-
лые зубы. На подбородке у него была ямочка, а возле
рта—родинка, и эта ямочка, и родинка, и длинные ресни-
цы делали его похожим на девушку.

Окна в комнате были открыты, там за окнами медленно
и плавно катила свои воды голубая Нева, мягкий голос
подпевал из репродуктора вальс, женщины лежали тихие,
умиротворенные и с любопытством поглядывали на краси-
вого летчика и на сияющую Люсю.

Уходя, летчик наклонился к Люсе и сказал ей:

— Послушайте, гражданинчик, вы не обидитесь на меня?
Я много зарабатываю, мне сейчас премию дали...

И, вынув из кармана конверт, он быстро сунул его Люсе
под одеяло.

Когда летчик ушел, Люся вдруг неожиданно для себя
самой, повинувшись только желанию быть такой же женой
и матерью, как все другие в палате, сказала, что ребенок
у нее от летчика и что летчик хороший, но...

Врала она долго, с увлечением, со страстью, а потом
вместе со всеми стала осуждать летчика, села в кровати
и сказала, что подачек ей никаких не надо и что она про-
сто-напросто подает на летчика в суд. Чорт паршивый! Хо-
дит, цветы носит. Нужны ей цветы! Пусть ей жизнь даст,
а цветы пусть медведь нюхает. Она не намерена...

У Мурки от удивления, а потом от жалости к подруге
лоб покрылся капельками пота, она грызла ногти и зашеп-
тала:

— От и правильно, от и умница. Он на даче живет, мимо
нас всегда ездит, и докажем на него. Пускай знает. Де-
нег у него, у чорта, не считано. Сколько дал? Небось, тыщу?

— Дура, — сказала Люся, — уж и тыщу. Триста рублей
дал...

Ей было стыдно, но она как следует накрутила себя про-
тив всех мужчин в мире и теперь со злобой думала о том,
как припрет летчика к стенке и как он принужден будет
платить бешеные деньги.

— К юристу надо пойти, — шептала Мурка, — слышь,
Люсь, он напишет, а тогда уже в суд...

В коридоре суда Люся и Мурка встретили летчика. Лицо
у него было растерянное, он совал Люсе повестку и гово-
рил, очень волнуясь:

— Объясните мне, что это такое? Почему ответчик?
Неразборчиво как написано, и секретаря нет... Никогда
меня не судили. Что такое?

Люся делала вид, что совершенно поглощена плачущим
ребенком, а Мурка нагло улыбалась и говорила:

— Раз в суд вызвали — значит, за дело. Может, вы чело-
века убили, а может, какого кассира ограбили...

Летчик рассеянно усмеянулся, потом приподнял кружев-
цо, которым было закрыто лицо ребенка, и сказал:

— Весь в мать, а?

— Там видно будет, — значительно сказала Мурка.

— Отца нашли? — быстро спросил летчик. — Здесь он,
что ли? Покажите мне.

— Уж покажем, — сказала Мурка.

У Люси от стыда слезы выступили на глаза.

После перерыва их всех позвали в зал. Стараясь не гля-
деть по сторонам, Люся сказала, что летчик Пархоменко
является отцом ребенка, что добровольно платить не хочет
и что она принуждена... тут она разрыдалась, но суд не
обратил на это внимания, это было совершенно естествен-
но... Возвращаясь на место, она нечаянно взглянула на
Пархоменко: он улыбался.

Допросили Мурку.

— А чего, — сказала она, — как с дачи едет, так до нас
завернет. Очень удобно. Я, конечно, к подруге иду, а они
уже тут...

— Летчик Пархоменко, — сказал судья. — Пожалуйте
сюда. Ваша фамилия—Пархоменко?

— Так точно, — сказал летчик.

— Имя—Евгений?

— Нет, — сказал летчик, — не Евгений, а Евгения.

В зале сделалось необыкновенно тихо.

— Что-то я не понимаю, — произнес судья...

Летчик молчал. Родинка у его рта едва заметно дро-
жала.

— Позвольте, позвольте, — сказал судья...

Он порылся в деле, попросил у летчика паспорт, потом
выпил воды. В зале сначала тихо, потом громче начали сме-
яться. Летчик стоял, не двигаясь, как статуя.

Люся вдруг вскрикнула и, оставив ребенка на скамье,
выбежала из залы.

Летчик нашел ее в темном углу коридора. Она рыдала, ут-
кнувшись лицом в стену, тело ее содрогалось.

— Уйди, — крикнула она, думая, что это Мурка, — уйди,
стерва!

Сильно и мягко летчик повернул ее к себе. Она оттолк-
нула его, опять вскрикнула, опять забилась.

— Пойдите, возьмите ребенка, — сказал летчик, — или
принести вам?

— К чорту, к чорту! — закричала она.

Летчик покачал головой.

— Послушайте, Люся, — сказал он. — Будет вам. Чего
в самом деле? Поступили вы нехорошо, грязно... не по-со-
ветски поступили...

Она все плакала.

Летчик принес мирно спящего ребенка, потом сказал:

— Давайте его вместе подымать, чорт с ним, с отцом.
А? У меня пока своего нет...

Люся заплакала еще громче.

Ю. Герман.

Рис. М. Черемных

На дачу!..

Рис. К. Рогова

НА РЕКЕ ЯНЦЫ

ЯПОНСКИЙ ЛЕТЧИК: — Кажется, скоро они превратят наш надводный флот в воздушный, а воздушный — в подводный.

Сильна как смерть

ИЛИ

жених-перестраховщик

Это было тогда, когда набухали первые почки на зеленющих кустах сирени.

Это было тогда, когда игривые солнечные блики купались в резвых весенних ручьях.

Короче говоря, это было в начале второго квартала текущего хозяйственного года.

Второй квартал — пора любви, пора томных вздохов и тревожных сновидений. В эти дни значительный процент сердец учащенно бьется, взволнованный любовью и звездами.

В лунные апрельские вечера даже ночные сторожа плохо спят. А поэты, не успевшие отбыть в творческие командировки, вдохновенно слагают стихи.

Александр Михайлович — по профессии не поэт. Он юрист, законник, работник коллегии защитников в Ульяновске на берегу Волги. Тем не менее в его душе звенели песни. Весна осудила его на муки любви. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит!

Ее зовут... Это неважно. Предположим, Вера.

Котлярову казалось, что нет в мире краше этого имени, что звучит оно, как соната, как гимн, как отмена решения в кассационной инстанции.

А глаза, а голос, а ум, а социальное происхождение?

В этой девушке ему все нравилось. «Он пел любовь, любви послушный, и песнь его была ясна, как мысли девы простодушной, как сон младенца, как луна в пустынях неба безмятежных...»

Он каждодневно находил в ней все новые и новые совершенства. Здесь уместно вспомнить трактат Стендаля «О любви», в котором имеются следующие строки, непосредственно касающиеся нашего героя, Александра Михайловича Котлярова:

«Нам доставляет удовольствие украшать тысячу совершенств женщину, в любви которой мы уверены... Мы преувеличиваем великолепное достояние, которое упало нам с неба...»

Вот почему молодой пламенный юрист в Ульяновске считал, что его Вера — это редкий экземпляр, с которого не снято ни одной копии.

Обо всем этом думал пылкий влюбленный. Но ни слова не сказал Вере. Он тайно вздыхал и молчал. Его чувства были строго засекречены и оглашению не подлежали.

Бывало, в тихие предвечерние часы гуляют они вдвоем на берегу Волги. Солнце с грустью покидает заоблачные высоты, спускаясь в лесистую зелень далеких гор. Низко над водой, точно белые стрелы, пролетают чайки. Вот бакенщик едет на узенькой лодочке, чтоб, согласно инструкции Наркомвода, зажечь огоньки на реке...

Казалось бы, самый раз объясниться с девушкой, ска-

зать о своих чувствах, выложить все — пункт за пунктом, параграф за параграфом.

А он молчит. Молчит, как вот этот прибрежный камень, безмолвен как пень.

Почему? Нет, не природная робость сковывает его уста. И не боязнь показаться косноязычным — ведь он уже успел прославиться своим красноречием в Ульяновской коллегии защитников.

Молчание его вызвано другими обстоятельствами. Видите ли, его ненаглядная Вера еще недавно училась в Саратов в зооветеринарном институте. А что если она там?.. А что ежели?.. А вдруг она...

Нет, лучше пока воздержаться от объяснений. Пушай почки на кустах сирени набухают своим порядком. Пушай солнце закатывается, как ему угодно, и чайки пушай себе летают в дозволенном направлении. Его, Котлярова, вышеозначенными явлениями природы не собьешь с пути.

Он, Котляров, ни одного дела не начинает без предварительной проверки.

И вот в бессонную ночь влюбленный юрист пишет письмо (не письмо, а, как он сам озаглавил, «заявление») директору зооветеринарного института.

Приводим полностью этот любопытный человеческий документ:

«Заявление.

Уважаемый товарищ директор, убедительно прошу вас уведомить меня по вышеуказанному адресу причину выбытия из вашего института гражданки... (следует фамилия, имя и отчество), обучавшейся на отделении овцеводства. Выбыла в 1933 или 1934 г.

Это мне надо необходимо, т. к. гражданка... собирается стать моей женой (она, видите ли, собирается, а он тут ни при чем. — Г. Р.), а поэтому необходимо знать, что она за человек и почему выбыла из института.

Убедительно прошу вас ответ не задержать (как нетерпеливы эти влюбленные! — Г. Р.) и написать мне причину действительного выбытия из института гр-ки... из последнего курса овцеводского факультета (или отделения) в 1933 или 1934 году, попутно прошу сообщить ее характеристику за время пребывания ее в вашем институте.

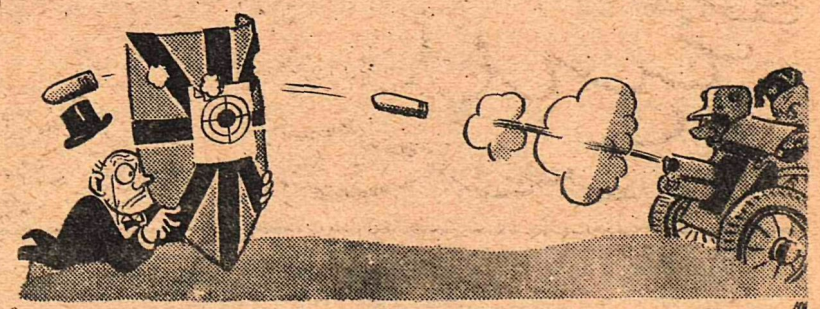
Для ответа прилагаю марку.

С товарищеским приветом
А. Котляров»

До чего он сильно пленен и очарован! Даже марку для ответа не пожалел. Не даром говорится, что любовь сильна как смерть...

Страшный человек этот Котляров!

Г. Рыклин

ПОД «ЗАЩИТОЙ» ЗНАМЕНИ

То, что одни считают щитом...

...другие считают мишенью.

Рис. Ю. Ганфа

Дело о хвосте корове

Он сидел у нас в редакции взволнованный, но глаза его глядели прямо. И в ответах никакой такой сбивчивости не было.

— Так, значит, вы ей хвоста не отрывали? — спросили мы.

— Да нет же! И не думал!

— То есть не лично вы, а, может быть, — ваша собака?

— И собака моя не при чем!

— Позвольте! Но отчего-то хвост все-таки у коровы оборвался? Этого вы не отрицаете?

Он приложил руку к сердцу и сказал:

— Не отрицаю. Больше того: я даже сам ходил в ветеринарную лечебницу, и там мне сказали специалисты, что отрывы конца хвоста у коровы бывают довольно часто, особенно там, где коровы пасутся в мелком лесу. И еще если на хвосте у коровы не подрезаны волосы. А про собаку мне сказали, что собака не может откусить напрочь конец хвоста.

— Гм!.. Вы, я вижу, довольно достаточно подкованы в этом вопросе.

— Еще бы! Ведь этот проклятый хвост оторвался 21 августа 1937 года. Скоро уже год, как я вовлечен в судебную волокиту этим... хвостом...

— Ну хорошо! — сказали мы. — Давайте возьмем по порядку. Кто вы такой? И чем занимаетесь?

— Моя фамилия — Шевелкин, Борис Николаевич. Я студент четвертого курса машиностроительного института. А живу я, знаете ли, на даче в Новогиреево (Горьковская железная дорога). Вот тут на меня и надвинулось это несчастье, то есть эта корова, помахивавшая своим хвостом.

— Но все-таки владелица коровы — вы, кажется, сказали, что ее фамилия Филимонова. — Филимонова эта с чего-нибудь да решила, что это вы сделали ее корову хвостом? Вы, а не кто-нибудь другой.

— То-то и есть, что сперва эта Филимонова хотела свалить хвост своей коровы, то есть обрыв хвоста, на гражданина Ласкина, проживающего рядом со мной. Это мне говорил сам Ласкин.

— Он член горсовета — этот Ласкин?

— Совершенно справедливо. Ласкин — член горсовета. И он подтверждает все то, что я вам говорил. А тут еще характерно, как велось это дело. Главный свидетель обвинения Мартынов оказался лжесвидетелем, потому что я на заводе, где работает Мартынов, получил справку, что в то время, когда у коровы обрывался хвост, Мартынов был на работе.

— Это интересно!

— Слушайте дальше. Дело назначалось к слушанию два раза и оба раза откладывалось за неявкой свидетелей со стороны истицы. И, наконец, 9 июля суд состоялся.

— Вас признали виновным?

— Да! Народный судья 1-го участка Ухтомского района Алифанов признал меня виновным и постановил удовлетворить иск Филимоновой в сумме 500 рублей за ущерб, нанесенный ее корове.

— А что вы можете возразить против приговора?

— Во-первых, никто из свидетелей обвинения не говорил, что воочию видел, как моя собака отрывает хвост. А, во-вторых, судья не дал говорить моим свидетелям.

— Все это странно. Очень странно. Я думаю, что мы напишем от Крокодила письмо в Московский областной суд...

— Пожалуйста! Я вас прошу!.. Посудите сами: за что же мне платить деньги, когда я этот хвост и в глаза не видел?..

— Да, да! Мы напишем в областной суд...

Эту заметку и надо рассматривать как письмо областному суду. У нас есть основание предполагать, что по делу о хвосте народный судья Алифанов плетется в хвосте тех несправедливых требований, которые... Ну, это ясно.

Да! Письмо в областной суд надо начинать соответствующим образом. Припишем здесь это начало:

«В Московский областной суд.

К нам поступила жалоба гражданина Шевелкина, Б. Н. на несправедливый приговор судьи Алифанова.

ПРИЛОЖЕНИЕ: вышеизложенное, упомянутое».

Происшествие

ТАИНСТВЕННЫЕ КАРНАВАЛЬНЫЕ МАСКИ

На карнавале в московском ЦПКиО имени Горького 17 июля были замечены две фигуры, с ног до головы закутавшиеся в темные домино и тщательно прикрывшие лица. Участники карнавала, которым поведение этих домино показалось несколько подозрительным, в конце концов задержали их. После длительного сопротивления со стороны неизвестных личности их были все-таки установлены. Один оказался директором Московского треста ресторанов Пичугиным, другой — директором треста Мосхладопром Самопаловым. Как объяснили граждане Пичугин и Самопалов представителям администрации парка, их странное поведение на карнавале было вызвано желанием скрыться от справедливого негодования участников карнавала на плохое снабжение парка прохладительными напитками и мороженым.

Курортная

Дорогой друг, Павел Николаевич!

Пишу, так как заимел до тебя важное дело. Как ты, вероятно, уже установил при помощи своего редкого нюха, лето наступило всерьез и надолго, и надо решать проклятый курортный вопрос. Я, понимаешь, немного запоздал по своей привычке, и вот теперь у нас в объединении остались путевки только в курорты местного значения. Ты сам, конечно, понимаешь, что при моем положении и должности ехать куда-нибудь в Старую Руссу или Липецк просто неудобно. А на юг я лично могу получить только в санаторий психостеников, в Ялту.

Конечно, достать удостоверение о том, что я страдаю любой болезнью — в том числе и психостенией, — раз плюнуть. И как раз диета у психостеников терпимая, зато процедуры страшные. Пять процедур в день, и все, говорят, вроде бокса: бьют, тискают, обливают холодной водой, иногда даже душат полотенцем. Это меня никак не устраивает. Кинулся я еще к одному человечку, он может вырвать только в дом отдыха паралитиков, но как-то не хочется все лето сидеть в кресле. Одна надежда на тебя, друг Паша: выручай! Доставай, куда можно: к почечникам — к почечникам, к ревматикам — к ревматикам, к диабетикам — к диабетикам. Ты знаешь, диетой я не стесняюсь. Прошлый год, например, провел у язвеников (желудка) — и отлично питался. Правда, у них вся еда подается пресная — без соли. Но я купил в начале отпуска полкило столовой соли, устроил в одном из карманов пиджама солонку и потихоньку подсыпал за столом соль, куда надо. То же можно делать у диабетиков с сахаром, у почечников с уксусом и т. д.

Главное, поддержать авторитет и попасть на юг. Очень рассчитываю на тебя, жму руку.

Твой Василий Броваров.

Дорогая женушка!

У нас в Алушке погода замечательная. Из знакомых вчера приехала Анна Николаевна Сивачева, и с нею, кажется, путается здесь — можешь себе представить — кто? Лыщенко! Вот тебе и тихоня. Питание у нас отличное.

Даже Желвакову нравятся привередники. Он, не один, захватил с собой свою машинистку... Я поправился ужасно, но это я вешался до трафика, наверное, и все набегит. Вера Табуна санатории водников и ревообделочникам. И нину. Нечего сказать, дружка! Живем мы довольно культурно, хотя хотя Картофель бумажка? Он по уши в работе, — в кого? В какую-то из Киева. Но в общем-то только недавно приехала эта стерва Капустина, как бы не вышла сплетница сама Капустина путала кем-то. Теперь она здесь, ком-то. А сама придумала (очень правдоподобно!) одну здешнюю девочку, которую все говорят, что у нее рошей фигуры, ничего похоже на меня!). Как будто обращал внимание. Ты-то отлично знаешь, что для меня в женских лекциях. Помнишь, перед тем, как поехали, мы целый вечер говорили о литературе, о политике, о том, что выше — «Стерва»... Я так хохотал, когда ты сказала про эту девочку, хотелось, чтобы и ты тоже и не придавала значения сплетням.

Ну до свидания, до следующей недели увидимся.

Соня!

Меня удивляет, что ты не пишешь, когда я все

Неужели ты не получила открытки от 9-го числа, сал, что я прибавил по открытке от 11-го числа, писал, что я потерял потом закрытого письма, где сказано, что я прибавил, и, наконец, послал от 17-го числа, где я прибавил полтора кило... Или не прибавил... Или нет, открытое письмо с прибавкой... позабыл, но только то, что это очень хорошо, что хорошо — то, что или то, что я убавляю!

переписка

Иллюстрации И. Семенова

Так вот в том-то и штука, что доктор говорит, что хорошо и так и так. Для сердца хорошо, что я убавляю в весе, а для утомленности моей полезно, что я прибавляю. В общем ходить вешаться—для меня сплошное удовольствие. Что бы весы ни показали, я рад.

Ну, в общем пока. Особенных новостей нету. Наднях сделаю себе анализ и дам телеграмму. Как дома? Целую.

Твой Семен.

Товарищ редактор!

Хотелось бы довести до сведения нашей общественности о безобразном инциденте, имевшем место в поезде № 143, следовавшем из курорта Спиджак 9-го сего месяца. На перегоне между станцией Моченая и разездом Трын находившийся в вагоне № 7 гражданин Ю. А. Мышихин — наш сосед по купе, докушав пять крутых яиц и двести семьдесят граммов краковской колбасы, вытряхнул за окно скорлупу, колбасную шкурку и другие остатки еды. Но сильным движением воздуха мусор этот был отброшен обратно в вагон и разместился на полу. Проходивший в этот момент бюрократ-проводник Унциев спросил: «Кто это намусорил?» Ю. А. Мышихин с гражданским мужеством сказал: «Я!» — и объяснил проводнику, как было дело. Но проводник, подойдя к нему формально, оштрафовал Ю. А. Мышихина на три рубля. Мышихин, еще раз показывая образец поведения достойный гражданина, тут же вынул деньги и внес этот штраф. Сухой формалист Унциев, приняв трешницу, сходил за веником и стал подметать наше купе. Тогда Ю. А. Мышихин, обратившись к нам — своим соседям по купе, — совершенно справедливо сказал: «Поскольку все равно уплачено, можете кидать под веник свой сор». Некоторые из нас действительно бросили два огурка, коробку из-под спичек, яблочные очистки и обрывок бумаги. Однако распоясавшийся чинуша Унциев немедленно потребовал штраф со всех кидавших. Не желая изнутри взрывать распорядок железнодорожного транспорта, мы приблизительно через 6—7 перегонов от места происшествия внесли эти штрафы зарвавшемуся проводнику. Однако хотелось бы, чтобы редакция одернула этого транспортного сановника—проводника Унциева — и пригвоздила его к черной доске позора при помощи резкого общественного осуждения.

6 подписей.

Доставил Крокодилу.

В. Ардов

Ода Эссенчукам

Оставалось пять верст до Эссенчуков—казачьей станицы, где я мог пересечь на другую лошадь. Лермонтов «Герой нашего времени».

Эссенчуки — Кавказ без гор.
В порани их жребий черен.
Сжимаю лошадь медью шпор,
Не задержался здесь Печорин.

Не здесь он сеял мрак и зло.
Не здесь встречались пистолеты.
Эссенчукам не повезло:
Они остались не воспеты.

«Дыра» — вот суд о них обычный.
Так провожали и меня,
Бродил при этом грустен я,
И был оплакан я в шапльичной,

Как будто мне еще не в пору
В лечебном жариться аду,
Как будто—юноша! — я в гору,
А не по скату вниз иду,

Как будто с нежностью особой
Черкеска стан мой облегла,
И не гляжу я с явной злобой
Во все большие зеркала.

Эссенчуки достойны оды.
Эссенчуки, я вас люблю.
Целительные ваши воды
И ваши ванны восхваляю!

Пусть я еще не римский воин,—
В остратку шуткам затянным
Скажу, что я почти что строен,
А остальное — за портным.

А. ГАТОВ

Чуда к-покойник

В первых числах июня сего года в одном из домов Нижнесалдинского поселка (Свердловской области) дарила та почтительная тишина которая сопровождает смерть кого-нибудь из членов семьи или домо-чадцев.

Со скорбным лицом сидела в чисто прибранной комнате супруга Степана Ивановича Хрулькова, а вокруг нее сменялись добрые друзья и приятели как самого Хрулькова, так и вдовы... Да — увы! — вдовы.

Кто-нибудь из приятелей рассеянной рукой брал телеграмму, лежавшую на столе, и с чувством керечитывал:

«Из Свердловска Нижняя Салда Больница Хрульковой Ваш муж помер...»

— Нда,— мямлил приятель,— ведь совсем молодой человек был.

— Да, да. Член ВКП(б).

— Хороший человек был. Душевный. Одно плохо — пить любил...

— Ну, кто из нас без греха. Эх, Степа, Степа, не ждали мы от тебя... Когда едете за дорогим покойником?

Вдова, вытирая слезы, пожимала плечами:

— Вот сегодня получу на похороны по месту работы... Автомобиль тоже обещали. Хочется и гроб с собою привезти: а ну, как там задержат или подведут...

— Эх, Степа, Степа! Обидел ты нас, огорчил!..

Вдова уехала. Грустно провели оставшиеся в доме родственники и домочадцы вечер и начало ночи. Как всегда в таких случаях, слышались какие-то шорохи. Казалось, что неспроста воют собаки. Заунывно тикали часы.

И вдруг... Вдруг явственные стуки прервали чуткий сон всех ночевавших в доме.

— Кто там? — дрожащими голосами спросили родственники.

Знакомый и явно хмельной голос произнес:

— Ну, я... Я же... Что, не узнали?

— С нами крестная сила! — звязгнула самая пожилая из родственниц.

— Это Степана Ивановича голос. Покойничка нашего.

— Степан Иванович, ты?

— Я.

— Может, ты оборотень?

— Сама ты оборотень... Да открывайте дверь, а не то я вас тут всех!..

Под яростную брань «покойника» родственники совещались несколько минут, а потом впустили незахороненного пришельца в дом.

Незахороненный скинул пиджак, поспел и стал требовать вина, материться и бить посуду.

Когда поутру «вдова» привезла на любезно предоставленном для этой цели автомобиле любезно отпущенный ей гроб, «покойник» лежал на полу среди осколков разбитой посуды и храпел на восемь ладов. Родственники шопотом излагали ход событий и пугливо оглядывались на гроб, который был прислонен к стене.

Во всей этой истории нет ничего мистического. Просто-напросто уважаемый Степан Иванович, отправившись в командировку в Свердловск, пропал там, как говорится, все до нитки. А телеграмму с оригинальным уведомлением о собственной кончине дал в расчете, что жена приедет на похороны с деньгами. Вот и все.

Мы решили непременно поведать об этом случае нашим читателям и заодно подивиться богатой творческой фантазии и крутому характеру С. И. Хрулькова. А также простоте нравов, царящих в поселке Нижнесалдинском, где Хрульков работает на хлебозаводе.

РЕДКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КАЗУС

Рис. Бор. Ефимова

— Ни-че-го не понимаю... В Мукдене угрожал — пугаются. В Бейпине угрожал — пугаются. В Женеве угрожал — пугаются. В Лондоне, Париже угрожал — пугаются. В Москве угрожал — НЕ ПУГАЮТСЯ! Климат здесь такой, что ли?

Есть разные звезды и воды,
Есть Гагры. Есть станция Буй.
Есть люди, в душе — мореходы,
Суровые баловни бурь.

Мы знаем их, мокрых и черных,
С лазурью сонливой в глазах,
Пенителей вод санаторных,
Корсаров в стыдливых трусах.

Им бриз животы убажает,
Их щупают нежно врачи...

И есть патриоты лужаек,
Поклонники речки Учи.

Им любви ромашек головки,
Приятна им тяжесть поклаж,
Они-то не сменят Перловки
На самый прекраснейший пляж.

...И вот — земляника на блюде,
В словых иголочках стол.
Тяжелые, толстые люди
Играют, визжа, в волейбол.

Чтоб после, ногами подрыгав,
Сняв брюки и встав нагишом,
Влезть в мутную воду и, фыркнув,
Сказать: «До чего ж хорошо!»

И легши, подобно няеде,
В траву на лопатки, решить
Что мир, как лазурь, необ'ятен,
Что очень приятно в нем жить,

И высказать мысли иные,—
Что, дескать, таинственен свет,
Что, мол, интересно — другие
Заметили это иль нет?

А вечером, удочку вскинув
И важно поспавши всех спать,
Сидеть очень долго над тиной
И что-нибудь даже поймать...

Союз наш просторен и ясен,
И звезды везде высоки.
Есть Ялта на свете и Клязьма,
Есть море и есть васильки.

Г. ПОМЕРАНЦЕВ

ДОВОЛЬНО СТЫДНО!..

РВАНЯЯ МОЛОТЬБА

В кратком путевом очерке о пребывании в колхозе «Красный Чонгар» («Известия» от 12 июля) автор Д. Ильин восторженно сообщает: «...Вчера на мельнице обмолотили первые центнеры нового хлеба».

Да, обмолотили. На мельнице. Вероятно, жерновами обмолотили. А потом, наверно, отправили на колхозный ток и там молотилками молотили из зерна муку. И пекли в тракторах хлеб из этой муки.

А через несколько строк: «...босые и рваные, но беззаветно храбрые красноармейцы...» — вспоминает автор героическую историю Перекюпа.

Босые, — пожалуй. Что беззаветно храбрые, это тоже несомненный факт. Но почему рваные? В каком то есть смысле?

Рваными нельзя назвать даже познания автора очерка в сельском хозяйстве и русском языке. Познания эти, скорее, ничтожные или равные нулю.

Что же касается красноармейцев, — они были, вероятно, обрванными.

Хлопотливое это дело — писать очерки: язык изучай, всякие производства изучай... Выражаем сочувствие Д. Ильину, а особенно — читателям очерков Д. Ильина.

ЛОГИЧЕСКИЙ ВЫВОД

Благовоспитанный школьник, находясь в автобусе или трамвае, должен уступать место немощным старикам и старушкам. Эту бесспорную истину «Пионерская правда» решила довести до сознания своих читателей в убедительной художественной форме. И вот в № 91 появляются шесть рисунков Кеша и стихотворный текст к ним Хелемского, заключающие в себе следующую жалостливую историю.

Петя и Витя ехали «в автобусе номер шесть», не хотели уступить место старушке, схавшей с рынка, и были наказаны за это роком: слабосильная старушка упала на ребят, опрокинула на их коротко стриженные головы корзину с продуктами и:

«Поглядите на ребят:
По щекам течет томат,
По спине бежит крупа,
На макушке скорлупа».

Мораль сей басни, по мнению «Пионерской правды», такова:

«Этот случай мы в газете
Описали неспроста,
Чтобы вы, старушек встретив,
Уступали им места».

Нам эта концовка кажется незаконченной. Здесь явно недостает такого примерно заключительного аккорда:

«Впрочем, если ни корзины,
Ни яиц, ни керосина
У старушки нет в руках, —
Ничего, не опасайтесь
И спокойно оставайтесь
На захваченных местах».

Скажите — нехорошо давать детям такой совет? Да, конечно. Но, к сожалению, он логически вытекает из всего произведения Кеша и Хелемского.

Рис. Н. Радлова

Комментарии излишни.

«...Характерно, что на заводе № 2 Черноморского пароходства «Старый большевик» две недели продолжает стоять в ремонте с готовностью на 94 процента, а «Молдавия» стояла с готовностью на 99 процентов. Как только переносят такие факты работники механико-судовых служб и их руководители?»
Из речи зам. наркома водного транспорта
Е. Г. Евдокимова.

Давайте не будем

«Мальчики-наоборот»

Есть такие детские стишки: «Мальчик-наоборот». Понятно? Люди ходят вперед, а мальчик, наоборот, привык ходить назад. Люди плавают по воде, а мальчик хотел плавать посуху. И так далее.

Очевидно, за время, прошедшее с написания этих стишков, «мальчик-наоборот» вырос и завербовал в свою секту других более или менее великовозрастных мальчиков. По крайней мере, у нас есть данные предполагать, что замначальника Главного управления зерносовхозов Украины и Крыма Куракин, а равно и главный инженер этого же управления Ляшенко принадлежат к категории «мальчиков-наоборот».

Посудите сами. Когда нужны комбайны? Ну, разумеется, летом. Именно летом этим сельскохозяйственным агрегатам, что называется, цены нет. А Куракин и Ляшенко как истинные «мальчики-наоборот» циркулярно пишут разным подведомственным инстанциям:

«10/VII 38 г.

Настоящим сообщаем Вам дополнительный план ремонта законсервированных комбайнов».

То есть, летом эти истинные «мальчики-наоборот» консервируют комбайны. Консервируют!

Как не стыдно, мальчики! Вот я маме расскажу или Комиссии советского контроля. Пускай тетя Комиссия вас и накажет.

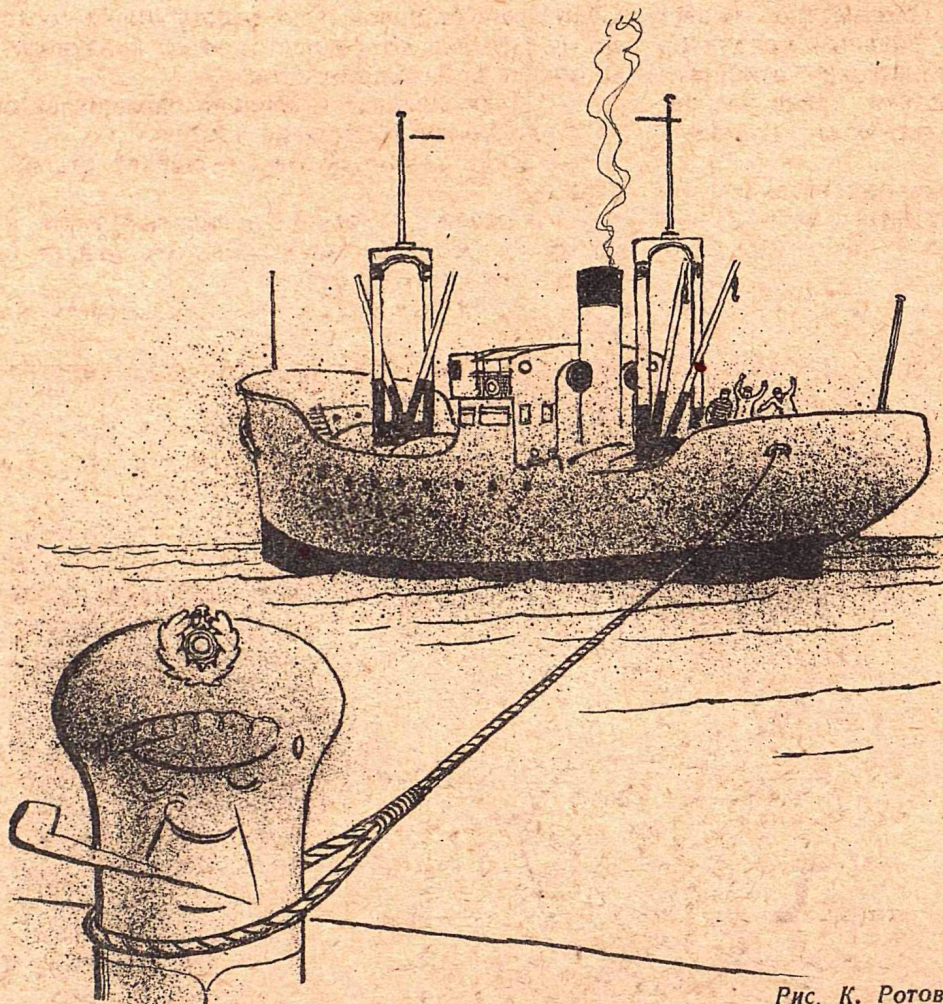

Рис. К. Ротова

МОРСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

С КОРАБЛЯ: — Отдай концы!..
БЮРОКРАТ ИЗ ПАРХОДСТВА: — Не отдам!

Несчастные лошадки

Если в скором времени нам придется иметь приятную беседу с уполномоченным уголовного розыска журавичской районной милиции сержантом Билькевичем, мы непременно начнем ее так:

— Здравствуйте, товарищ Билькевич! Жаркий денек сегодня. Нет, ничего, не беспокойтесь, мы постоим. Фу ты, какая жара! Вы слышали, в Ашхабаде, говорят, 57, а в Москве 90? Ну, Журавичи их переплюнули, куда... Н-да. В такую-то погоду да искупаться! А? Сразбегу, знаете, так это, ласточкой — бултых! У вас и речка под боком... Небось, наслаждается население? А как насчет хулиганства — ни-ни? Ну, конечно же, конечно, не сердитесь! Во вверенных вам Журавичах рабоче-крестьянская милиция свое дело понимает. Э, да у вас и конюшня под рукой! Наверное, конные дозоры денно и ночью оберегают интересы далеко заплывающих граждан, брючишки там или ниджачок? Чтобы никаких, значит, нарушений...

На этом месте воображаемого разговора сержант милиции начнет неудержимо краснеть. Открытые нескромным взорам части тела сержанта Билькевича залетят алая краска стыда, и даже красная окантовка небесно-голубых петлиц станет темнордовой...

Почему?

Потому что сержант Билькевич как человек совестливый в этот момент непременно вспомнит, что недавно три бравых милиционера, при полной парадной форме, во главе с сержантом Билькевичем, гикая на скаку, осадил верховых лошадей на обрыве над пляжем — излюбленным (и единственным) местом купанья журавичан...

— А ну, вылазь! — скомандовал сержант. — Которые купаются, вылазь из воды!..

Не желая оказывать сопротивление представителю власти, купавшиеся вылезли и, стирая ладошками хлопья пенного мыла с плеч, бород и усов, грустными глазами смотрели, как на их месте в воде пускают пузыри счастливые лошадки...

Счастливые, сказали мы? Нет! Несчастные лошадки: кого только им приходится им носить на себе! Например Билькевича...

Брр!..

Конкретное руководство

Каждые три дня заведующий Меловским райземагделом Рубан беседует с одним из подчиненных ему работников. 10 мая на докладе у Рубана был старший зоотехник Пашковский. 13 мая — инструктор-бухгалтер Бессонный. 16 мая — техник-строитель Грошев. 20 мая — старший агроном Харенко. И т. д. То есть все, все до единого сотрудника райземагдела, по специальному плану, разработанному Рубаном на время с 10 мая по 30 июня! И машинистка-секретарь Гуревнина — 6 июня, и уборщица Калганова — 25 июня, и сторож Малодушенко — 30 июня...

В перерывах между этими беседами Рубан запирается в кабинете на английский замок и составляет план «бесед с сотрудниками при Меловском земельном отделе, касающихся каждого сотрудника по его работе зав. райзо» на следующие полтора — два месяца. И лучше не пытайтесь добиться приема у Рубана вне расписания. Не примет! В самом деле: план прополочной составлен, утвержден. План уборочной также. Значит, их нужно выполнять. Если же у кого-нибудь из агрономов возникнет какой-либо вопрос по текущей работе, все можно вырешить во время следующего приема, через полтора месяца. Тогда будут даны конкретные указания. Самые наиконкретнейшие. А пока не мешайте заведующему райзо конкретнее руководить сторожем!

Имею к заведующему Меловским райзо просьбу: при составлении очередного плана приемных часов включите также и Крокодил. Крокодил зайдет к вам для беседы... О чем бы, вы думали?..

Архангельский Янус

Первые следы облика В. П. Кузнецова мы обнаружили в древнем Риме. Там он работал в должности бога Януса. А Януса в древнем Риме изображали обычно двуликим.

Поэтому и сейчас В. П. Кузнецов работает директором посудно-хозяйственного магазина. И председателем месткома этого же магазина, но уже не в Риме, а в городе Архангельске. Ввиду своей двуликости Кузнецов не выплачивает премий, выделенных стахановкам магазина к 8 марта. Как председатель месткома, Кузнецов голосовал за премирование; как директор магазина, Кузнецов не дает для этого денег.

Типичный Янус!

Жарко!

Жарко так, что просто даже не верится. Кажется, что колеса уже не стучат, а хлопаяют по раскисшим от жары рельсам. Истомленные контролеры безучастно проверяют билеты измученных пассажиров. Главный кондуктор у занавешенного окна своего купе безнадежно откупоривает пятую бутылку нарзана. Мороженщики, давно распродавшие товар, собрались в тамбуре и хвастаются чудовищной выручкой.

Жарко и скучно. Исчерпаны все обычные вагонные темы. Даже главноразговаривающий, волосатый дядя в прозрачной до безобразия сетке, трагически молчит уже вторую минуту.

— Коля, не высовывайся в окно, — в седьмой раз говорит колина мама.

— Хорошо, — отвечает Коля и высовывается еще больше.

Мужчина в сетке загорается.

— Что ж ты, Коля, — говорит он, сладострастно щурясь в предвкушении занимательной беседы, — что ж ты, Коля, не слушаешься маму? Вот я всегда маму слушаюсь!

Заинтересованный Коля с трудом извлекает себя из окна и недоверчиво смотрит на волосатого.

— У тебя нет мамы, — говорит он. — Ты сам большой...

Оживившиеся пассажиры всячески приветствуют начало беседы. Ехать еще полтора часа.

— Это почему же у меня нет мамы? — деланно обижается волосатый. — Что я, по-твоему, псих?

— Псих! — со смаком повторяет Коля понравившееся слово.

Пассажиры довольны. Колина мама краснеет:

— Коля, не говори слов, которых ты не понимаешь! Ну что такое псих?

— Вот! — уверенно говорит Коля, указывая на волосатого. — Он сам сказал...

Волосатый смеется вместе со всеми.

— Вот это бандит! — грохочет он восхищенно. — Вот это хулиган! Так ты, выходит, свой в доску?

Коля хочет уже что-то ответить, но его собеседник неожиданно видит в окно свою платформу и, расталкивая соседей, выскакивает из вагона. Однако начало уже положено. Эстафету подхватывает бойкая дамочка из тех, что говорят: «собачечка», «кошечечка» и «деточечка».

— Ах, какой чудненький, — всхлипывает она. — У-у, ты моя крошечка!.. Ты кто?

— Псих, — отвечает Коля. И, подумав, добавляет: — Бандит и хулиган!

— Коля, — решительно вмешивается мама. — Не смей так говорить. Что ты со всеми разговариваешь.

— Ах, что вы! — ужасается пестрая дамочка. — У вас такой умный мальчишек! Верно, Коленька?

Уставший от новых впечатлений, Коля молчит. Пока молча и остальные, хищно поглядывая на мальчика.

— Я сейчас приду, Коля, — говорит мама и выходит покурить.

Все понимают, что беседу стоит продолжить, но вопрос придумать лень, и на язык лезет то, что вертится в голове. Сухопарый старичок, всю дорогу мирно сосавший пиво прямо из бутылки, оторвался от этого приятного занятия и внимательно осматривает Колю.

— Пива хочешь? — ласково спрашивает он.

Коля молча косится на тамбур.

— Дуй, в мою голову! — шепчет старик. — Мы ей не скажем!

— Спасибо, — говорит вежливый Коля и подносит бутылку к губам. Затем он плюется, отдает пиво обратно и опять говорит: — Спасибо.

— А теперь закурим, — предлагает изобретательный старичок.

На счастье Коли появляется мама. Многие разочарованно вздыхают.

— Ну, скоро наша станция, — весело говорит мама.

Раздается общий вздох, еще более горький.

— Ну, в другой раз, — говорит старичок Коле, — мы свое возьмем! — И снова берется за бутылку.

В вагон входит молодой парень в милицеевской форме. Он усаживается против Коли и смотрит в окно. Через несколько минут и ему становится скучно. Неожиданно он чувствует, что кто-то осторожно трогает его пряжку. Конечно, это Коля. Притихшие пассажиры снова оживляются.

— Мальчик? — деловито спрашивает милиционер.

— Да, — шепчет Коля.

— Звать? Лет?

Коля явно робеет.

— Николай, — отвечает за него мать. — Шести лет...

— На роллере катаешься? — продолжает допрос милиционер.

— Катается, — кивает мать.

— Рогатку имеете? — неожиданно переходит на «вы» милиционер, глядя на мать.

— Имеем, — отвечает ободрившийся Коля и снова лезет в окошко.

— Не высовываться! Штраф три рубля! — привычно отчеканивает милиционер и громко смеется.

— Коля, нам сходить, — говорит мама.

— Не хочу, — ноет Коля.

— Как не хочу? Пойдем!

Коля хватается обеими руками за пряжку милиционера и начинает реветь. Ценой невероятных усилий мама отцепляет его от милиционера и на руках выносит из вагона. Поезд трогается. Других ребят в вагоне нет. И всем кажется, что вдруг стало еще жарче. Жарко так, что просто даже не верится.

— Хороший парень! — вдруг умильно произносит упившийся старичок. — Зря мы его так!

Но в вагоне так жарко, что только милиционер находит в себе силы утвердительно кивнуть головой.

А. Раскин, М. Слободской

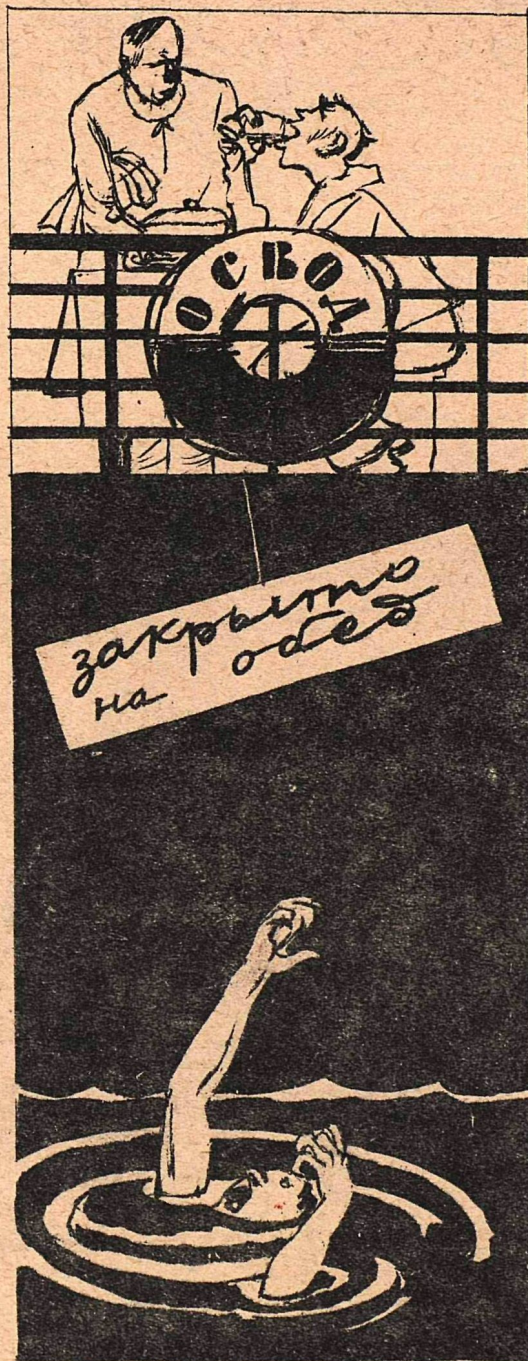

Рис. М. Черемных

В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ НА РЕКЕ

ОСВОДОВЕЦ: — Надо бы завести оркестр, а то эти крики отбивают у меня аппетит.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Вот уже два месяца я тщетно пытаюсь разрешить такой вопрос: почему первый секретарь курского обкома ВЛКСМ Уроженко такой гордый? На чем, так сказать, базируется его гордость?

То, что он гордый, в этом убедился я сам.

19 июня я, приехав в Курск из Томаровского района, с 9 часов утра сидел в приемной обкома ВЛКСМ, надеясь поговорить с тов. Уроженко. В 2 часа дня тов. Уроженко вышел из своего кабинета и обещал меня принять в 8 часов вечера, но не принял. Очень гордый этот товарищ Уроженко.

А чем он гордится? Гордиться знанием работников вверенных ему организаций Уроженко не может. Например, когда я назвал ему свою фамилию, то выяснилось, что он не знает, кто я такой. А я секретарь томаровского райкома ВЛКСМ, Курской области.

Чем же гордится тов. Уроженко?

А. СОЛОДОВНИКОВ

Уважаемый Крокодил!

Не помнишь ли ты, кто сказал, что искусство смягчает нравы?

Очевидно, это не так. По крайней мере, в отношении помощника прокурора города Минска Шарафановича. Этот Шарафанович, например, очень любит балет. Но любовь к искусству Терпсихоры довела его до того, что он однажды пришел в нарсуд 1-го участка города Минска и стал кричать, что он уволит завтра же тех сотрудников, которые не пожелают участвовать в балетном кружке.

И мы, сотрудники и посетители, искренно огорчаемся тому, что крутой нрав Шарафановича не умиряется даже любовью к балету.

ЗЫСМАН
МОЙСЕНКО
КОТЛЯРОВА
РОЗЕНМАН

г. Минск

ОТ РЕДАКЦИИ: Получив это письмо, Крокодил обратился в минскую областную прокуратуру. И что же? Облпрокурор Гинцбург ответил, что Шарафанович кричал не в качестве помощника городского прокуро-

ра, а в качестве председателя месткома.

Ну что бы вы сказали, уважаемый товарищ Гинцбург, если бы бурный Шарафанович стал орать на вас, и притом не как на областного прокурора, а как на самого обыкновенного члена союза?!

Товарищ Крокодил!

Как по-твоему, будет ли лестно тов. Киселеву, председателю винницкого горсовета, если винницкие учителя назовут свой будущий клуб именем тов. Киселева? Как-никак, а при его ближайшем содействии 31 июля прошлого года президиум винницкого горсовета вынес твердое решение об организации клуба учителей. При его же ближайшем содействии постановление осталось только постановлением, так как горсовет до сих пор не предоставил помещения для клуба. И вот винницкие учителя желают хоть чем-нибудь отметить заботу тов. Киселева о них и выразить в свою очередь свое внимание и благодарность: если клуб организуется, — он будет носить имя предгорсовета. Если клуба не

выйдет, опять-таки это будет тесно связано с именем предгорсовета.

Члены союза работников начальной и средней школы
ГОНИК, КОРДЮК, БУР-
ДАНЬ, ЕВТЕЕВА и т. д.
(всего 12 подписей)

Дорогой Крокодил!

Новое в медицине! Чердынский райздравотдел (Свердловской области) полностью ликвидировал детскую заболеваемость на летний период. Каким образом? Очень просто. Вот уже второй год подряд райздрав любезно предоставляет летний отпуск единственному врачу детской консультации. И детская консультация в связи с отъездом врача второе лето запирается на замок на два месяца. Но, к сожалению, райздрав никак не удосужится ликвидировать другую болезнь, наблюдающуюся у него же самого и именуемую в общежитии головоотяпством (golovotiapstvo).

И. НОВОСЕЛОВ

г. Чердынь,
Свердловской обл.

Дорогой Крокодил!

В нашей станции установились порядки, заслуживающие, как нам кажется, твоего внимания. А именно: районный землеустроитель Усачев с благословения Корневского райисполкома и даже, говорят, на основании каких-то директив краснодарских краевых организаций дал строжайшее указание допускать к выпасу в станичном стаде только коров, принадлежащих колхозникам. Коровы, овцы и козы, которые принадлежат корневским рабочим и служащим, могут быть допущены к выпасу только в том случае, если владельцы этих животных прибыли в Корневскую до 1935 года. До 1935 года — не позже.

Не правда ли, странные порядки? Нужно сказать, что ни председателя Корневского райисполкома, ни председателя Корневского сельсовета Никитина это несколько не беспокоит. Они считают такие «порядки» в порядке вещей.

А нас, дорогой Крокодил, такие порядки беспокоят. И беспокоят очень сильно, потому что свидетельствуют о самом настоящем политическом головоотяпстве корневских властей и, может быть, тех самых краевых краснодарских организаций, о которых уже говорилось.

Впрочем, утверждать мы ничего не беремся. Приезжай к нам, на месте тебе будет виднее. Может быть, здесь даже не головоотяпство, а вредительство. На месте, повторю, тебе будет виднее. И чем скорее будет видно все до конца — тем лучше.

Н. САНЬКОВ
С. СОЛОВЬЕВ

ст. Корневская
Краснодарского края

Рис. Л. Соифертиса

ЛЮБИТЕЛЬ ПОРЯДКА.

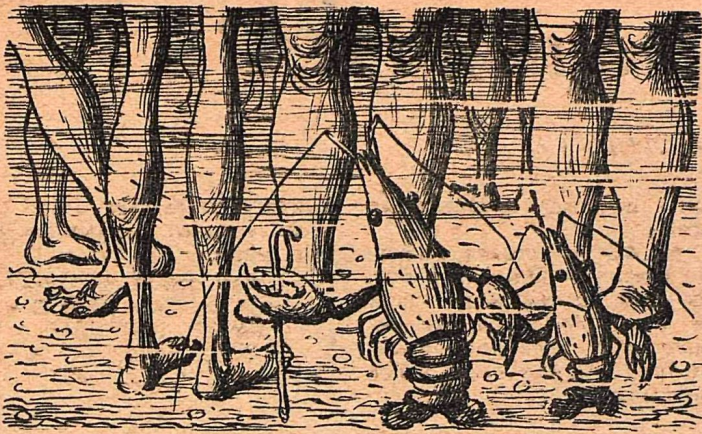

Рис. Н. Радлова

НА ДНЕ

РАК: — Когда же будет упорядочено движение по дну? Нельзя перейти реку без риска быть раздавленными!..

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

КАКОЕ СВИНСТВО!

Председатель артели «Червоны вапнавик» (Дарагановский с/с. Минская обл.) Курьянович пришел в районное отделение милиции с отрывком артельной печати в руках. Он просит разрешения на изготовление новой печати взамен погибшей. Он рассказывает, как было дело:

— Вот какое несчастье случилось. Весь день лежала она за амбаром и ничего. А тут вдруг захрюкала и пошла.

— Это печатать-то?

— Нет, зачем печатать! Свинья... И главное, если б я ее не кормил. А то ведь сытая была.

— При чем тут свинья, товарищ? Вы про печать говорите.

— Я про печать и говорю. Она, значит, хрюкает и идет. Идет и видит: что-то лежит под забором. Я ее там, наверно, случайно оставил...

— Свинью?..

— Нет, печать. А свинья тут как тут. Подошла, понюхала и сжевала. Вы понимаете: так прямо и с'ела. И какой в ней вкус, не понимаю. Ну, я, конечно, ее отвезил как следует хворостинкой, только этим уже не поможешь. Так что прошу выдать новую печать.

Председатель горестно покачал головой. Он просто диву дается, как трудно работать в таких условиях. Нельзя даже оставить на минутку печать под забором. Хоть специального работника нанимай для надзора за свиньями. Так и норовят с'есть что-нибудь нужное.

Действительно, какое все-таки свинство!

ДОВОДИМ ДО ПЧЕЛЫ

Желание отведать от кубка славы не давало покоя врид. начальника челябинской областной Пчелоконторы Ромашенко. Лавры поэтов лишили его сна. И вот...

«Послая вам инструктивное стихотворение «Просьба пчел», рекомендуем размножить по числу пчеловодов вашего района... раздать ее на руки каждому пчеловоду, пред. колхоза, всем работникам Райзо и послать в МТС... По ней проведите с работниками Райзо беседы... Необходимо вывесить «Просьбу пчел» в уголке пчеловода, юннатов или другом месте...»

В общем, следуя инструкции, стихотворение следует довести до каждой пчелы.

А стихотворение это такое:

*Пчеловоды! Позаботьтесь вы за нас, мхнаток,
Дающих мед для пищи и воск для фабрик.
Мы опыляем ваши социалистические поля
И повышаем оплату колхозного трудодня.*

*Мы «участники» похода за высокий урожай.
Этого, нач. облзу, зав. райзо и предколхоза, не
забывай!
Должное внимание доходному содпчеловодству уделяй
И 7—8 миллиардов пудов зерна, Страна советов,
получай.*

И т. д. и т. п. Таково оно, это стихотворение, автором которого является... ну, конечно же, он, сам Ромашенко!..

*Просьбу мы его предвосхищаем,
Отрывки из стихотворения даже в журнале печатаем,
Чтобы долгожданная слава о Ромашенко прошла
Не только в Челябинской области, но и в других местах.
Это мы отвечаем Ромашенко стихами в его же вкусе.*

Экран жизни

Это было в июле...

— Пойдемте в кино, — сказала мне одна знакомая. — Посмотрим что-нибудь интересное, отдохнем и развлечемся. Кстати, Большой театр закрыт на ремонт...

— А стоит ли? — глубокомысленно спросил я. — Что такое, в сущности, кино? Иллюзорная игра теней на белом экране. Грубое использование оптических недостатков сетчатки нашего глаза. (Я не хотел оскорблять киноработников и не назвал процента выполнения плана выпуска фильмов.)

Но знакомая поглядела на меня с такой мольбой, и у нее лично была такая превосходная оптика с роговой оболочкой, окрашенной в голубой цвет, что я не выдержал и сдался.

Словом, мы отправились в Первый кинотеатр на улицу Воровского. И тут нас постигло первое разочарование. На первом экране столицы в тысячу первый раз демонстрировалась «Путевка в жизнь» — несомненный боевик выпуска 1931 года.

Не теряя присутствия духа, мы кинулись в кино «Ударник». Увы! Здесь нас ожидал второй удар. В «Ударнике» (две серии в один сеанс!) шел фильм «В тылу у врага». Ужасно увлекательные приключения отдельного кавалерийского взвода в глубокой разведке тыла противника. Лентфильм. 1936 год.

— Я это тоже видела, — словно извиняясь сказала знакомая. — Года полтора назад, — и потянула меня за рукав.

Детальное описание наших странствий заняло бы слишком много места. Я отсылаю интересующихся этим вопросом к справочнику трамвайных и автобусных маршрутов Москвы, издание Моссовета 1937 года.

В «Коллизее» показывали «Марионеток», впервые увидевших свет еще в 1934 году, в «Художественном» — «Я люблю» (1936 года), в «Востоккино» — опять «В тылу у врага», в «Форуме» — «Джунгли-барса» и «Случайную встречу» оптом (1936 и 1937 годов).

Кинотеатры «Спартак», «Авангард» и «Баррикады» заставили нас вспомнить невозвратные дни детства и юности. «Красные дьяволята» метался здесь по экрану с такой же резвостью, как и 15 лет назад — в 1923 году.

В «Буревестнике», «Луче», «Таганском», в театрах имени Моссовета и «Экране жизни» свирепствовал все тот же отдельный кавалерийский взвод.

Лишь однажды мы увидели рекламу нового фильма «Крепость в степи». Увы, при внимательном расследовании он оказался перемонтажом бедной старой «Капитанской дочки».

Полночь застала нас на какой-то пустынной площади. Мы стояли среди кучи разноцветных трамвайных и автобусных билетов, которые я только что выгреб из карманов.

— Остались «Первый детский», «Орион», «Унион»... — с трудом сдерживая раздражение выговорил я. — Трамвай еще ходят...

Моя знакомая была бледна, у нее пересохло во рту и болели ноги (знаете эти французские каблучки!).

— Трамвай еще ходят, продолжал я. — Отдохнем, развлечемся... Большой театр закрыт на ремонт.

— А, может быть, мы пойдем домой? — дрогнувшим голосом спросила знакомая. — Что такое, в сущности, кино? Иллюзорная игра теней... какое-то грубое использование недостатков...

Во мне заклокотала злоба. Ведь это же самое я утверждал еще шесть часов назад.

В общем мы поспорились. Я уехал в моторном вагоне, знакомая — на втором прицепе.

Ровно месяц мы не встречались. Ровно месяц понадобился на то, чтобы восстановить мир. Только июльское солнце растопило лед, сковавший ожесточенные сердца.

Так вот в июле моя знакомая снова пригласила меня пойти в кино. Стиснув зубы, я согласился. На этот раз мы начали с «Ударника». И уже издалека с больших рекламных щитов нам заулыбалась «Маленькая мама». И уже заранее мы повернули обратно, потому что эту самую «маму» нам показывали много месяцев назад.

И опять повторилась июньская история. В «Метрополе», «Москве», «Центральном» и еще семи кинотеатрах с утра до поздней ночи трудилась неутомимая Франческа Гааль. Утром она наливала бензин в радиаторы, пела и, переодевшись мальчиком, танцевала на каком-то балу, потому что была Петером. Вечером она же нянчила и баюкала симпатичного подкидыша и опять пела, потому что была маленькой мамой.

В «Форуме» бессердечные эксплоататоры из «Росснабфильма» заставили несчастную Франческу в течение одного сеанса сначала баюкать симпатичного подкидыша, а потом, насупив переодевшись мальчишкой, наливать бензин в радиаторы. Здесь и «Петера» и «Маленькую маму» показывали одновременно.

И снова на нашем желании пойти в кино заработали только Мос-трамвайтрест и Мосавтотранс. Мосгоркино не досталось ни копейки.

Когда в одиннадцатом часу ночи в «Октябре» нам предложили посмотреть «Красных дьяволят», мне захотелось кусаться и бить стекла. Только теперь я понял, почему администраторы кинотеатров разговаривают с посетителями через узенькие окошечки.

На этот раз я окончательно поспорился со своей спутницей. Пропал вечер, погибла дружба.

Нет, вы еще ответите за это, товарищи из «Росснабфильма»!

Л. Шейдин

Район. Эконом. Упр.
14.18.1938
Восст. на. Поват. Поват.

Получ	17/	Лес	Зуб.
в р/л	vii	площ.	дет"
д/л	19/viii		
в к/л			

Ленча

Рис. Л. Генча

РАЧИТЕЛЬНЫЙ ХОЗЯИН

ПРЕДГОРСОВЕТА: — Товарищ постовой, загони во двор мою хрюшку, а то она, чего доброго, переломает ноги на нашей мостовой.